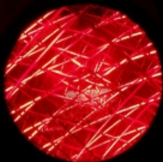
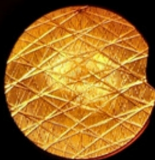

СВЕТОФОР

ИЛИ

ПРАВИЛА

ЖИЗНЕННОГО

ДВИЖЕНИЯ

ПЕТРОВА ИРИНА

16+

Ирина Геннадьевна Петрова Светофор, или Правила жизненного движения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50583556

SelfPub; 2020

Аннотация

После того, как главная героиня книги решила расстаться с жизнью, события на её пути стали меняться, как цвета светофора: опасный красный, изменчивый жёлтый, и, наконец, свободный зелёный. Её история – маленькая энциклопедия для ищущих себя. Согласитесь, что правила жизненного движения лучше учить на чужих ошибках... Фотография на обложке с сайта canva.

Содержание

Глава 1. Красный	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Глава 1. Красный

Мне было 19, когда я решила в последний раз дойти до реки, подняться на мост, а впереди – лишь огромная высота падения и ледяная вода октября. Почему я на это решилась, сейчас уже точно и не скажешь. Проблемы можно перебирать, как в калейдоскопе: вот мелкие отголоски переживаний при поступлении в университет, рядом – сомнения по поводу выбора будущей профессии, дальше идут разноцветные сессии и курсовые, под конец появляется черное, как смоль, одиночество (расставание со школьными друзьями случилось намного раньше, но ощутила я его лишь спустя время – без них ужасно грустно, новых друзей не так просто найти, а влюбиться – вообще невозможно). Типичный кризис юности. О нем я тогда ничего не знала, и в моем представлении после сложного подросткового периода человек должен был быть счастливым хотя бы до кризиса сорока. А раз с моей жизнью что-то не так, пора её прекращать.

19 октября. Число я не выбирала заранее, просто в то утро проснулась и увидела первый снег, который обычно шел в мой день рождения. И хотя до моего 20-летия оставался ровно месяц, погода торопилась, поэтому я подумала, что и мне нужно спешить.

19 октября в 19 лет – глупое совпадение чисел, хотя теперь я не верю в совпадения, есть лишь точное сочетание

времени, мест, событий, людей. Совсем как тогда.

Я надела любимые кроссовки, фланелевую рубашку, поверх накинула лишь толстовку – не было смысла тепло одеваться, когда эта прогулка в один конец. Выходя, прихватила с собой шапку – привычка! Кинула её возле почтовых ящиков. По той же привычке хотела узнать, который час, но вспомнила, что оставила телефон дома, пожалев деньги родителей, которые купили мне его к новому учебному году.

На улице вовсю задувал ветер, на лицо падали ледяные капли дождя – октябрь в нашем городе выдался холодный. Идти по мокрому снегу в кроссовках было сложно, я то и дело поскальзывалась, скорость передвижения моя приравнивалась к улитке. Я шла осторожно, ведь сейчас упасть и сломать ногу было бы верхом глупости. Дойдя до магазина одежды, я остановилась. Вглядываясь в вывеску с названием, я перебирала в памяти самые разные моменты жизни, что с ним связаны: серая форма первоклассника, черное пальто на похороны дедушки, розовое платье на выпускной бал. Однако ветер усиливался, а дождь всё больше напоминал ледяные иголки, которые будто бы хотели проткнуть мою кожу. «Надо было одеваться теплее», – подумала я, но тут же одернула себя, увидев перекресток, за которым была набережная, а дальше – мост. Мне нужно лишь перейти пешеходный переход. Я остановилась. Впала в какой-то ступор. Ни о чём не думая, просто стояла и пропускала людей на светофоре. Не знаю, сколько прошло времени – несколько минут или ча-

сов, когда я очнулась и присмотрелась к людям вокруг. Рядом стоял мужчина с рулоном какого-то материала для строительства, за ним – две бабушки, закутавшиеся в шерстяные шарфы, а чуть впереди, самыми первыми от дороги, молодой человек с маленькой девочкой. Он наклонился, чтобы сказать ей что-то, и я узнала в нём Артура, одного из самых красивых парней университета, чьим голосом записан гимн ВУЗа. Лучезарный, весёлый, общительный, он всегда здоровался со мной, на что я сухо отвечала: «Привет», скованная страхом перед таким парнем. Я испугалась, что он обернётся и увидит меня. Но если сейчас сделать несколько шагов вперёд, то окажусь перед потоком несущихся машин – и делу конец. Нет, это было бы эгоистично – ломать кому-то жизнь, чтобы покончить со своей. Я сделала шаг назад – и снова стала дальше от цели, от моста. «Это не специально, – говорила я самой себе, – сейчас пропущу их вперёд, и пойду».

Девочка капризничала, прося что-то у брата, её тонкий голосок резал уши. Я вспомнила, что никогда не любила детей. Или ещё не люблю, я ведь жива, так что правильнее будет время настоящее, а не прошедшее. Я явно нервничала, а этого нельзя было допустить, пришлось перевести взгляд на машины, которые уже снижали скорость, а потом и вообще остановились. Загорелся зелёный, люди медленно пошли вперёд. Я снова посмотрела на них – все уже перешли дорогу, как вдруг девочка, выдернув руку из руки Артура, побежала назад – оказалось, она выронила перчатку. Судя по

цифрам на светофоре, у неё было ещё десять секунд, и я спокойно смотрела, как она бежит, перепрыгивая лужи. Но тут меня привлекло резкое движение в среднем ряду: там стояла лишь одна белоснежная «Шкода» бизнес класса, как вдруг сзади неё оказалось маршрутное такси. Чёрная «Газель» перемещалась с такой скоростью, что было ясно – сейчас она ударит впереди стоящую «Шкоду», а та, неуправляемая, полетит прямо на малышку. Куда бы не повернул водитель седана, он, в лучшем случае, заденет девочку либо правым, либо левым боком. В худшем, а, учитывая сегодняшнюю погоду, так оно и будет, он придавит её к железному ограждению. То, что мне нужно прыгнуть прямо под колеса и вытолкнуть её оттуда, я поняла сразу. Время потекло в разы медленнее, я даже успела разозлиться на девчонку, ведь в мои планы не входило быть раздавленной между машиной и железными прутьями. С другой стороны – не всё ли равно? Сейчас не самый подходящий случай выбирать себе смерть – нужно было скорее убрать ребенка с дороги. Главное, толкнуть её как можно сильнее, ведь если уцеплюсь в неё, то замедлю скорость, и тогда быть нам обоим калеками, что меня ещё больше не устраивало. Когда я добралась до неё, Артур лишь успел протянуть руки, но это даже лучше – он поймал сестрёнку, не мешая мне выполнить задуманное. А потом я ощутила удар, который ждала – перед глазами появилось серое небо, я успела подумать, что, будь на мне шапка, она улете- ла бы, будто мы столкнулись, катаясь на плюшках с горки.

Вот только это была не плюшка – меня ударила машина весом в тонну. Когда я полетела вниз, мне действительно стало страшно, и умирать перехотелось. Упав на лобовое стекло «Шкоды», я увидела лицо водителя. Почему-то оно показалось мне знакомым. Глядя ему в глаза, я почувствовала себя счастливицей – машина не вдавила меня в забор, а дала возможность полета перед смертью. Вместо адской боли я почувствовал сильную усталость в теле, меня будто тянуло в сон, и я послушно закрыла глаза.

Сон был долгим – около трёх дней я была без сознания, но как только очнулась, поразила врачей своим состоянием. Мне на удивление было легко вспомнить все события, я могла описать каждый свой шаг, все детали того дня. К счастью, никто не мог предположить, с какой целью я шла на набережную, поэтому о самоубийстве не было и речи. Все думали, что я героиня – помогла маленькой девочке. Знали бы они, что тогда я думала о ней как о помехе на пути к мосту. И всё же она расстроила все мои планы. Травмы ног (на удивление позвоночник был не задет), сотрясение мозга (при котором я чувствовала себя вполне сносно), вывих руки и многочисленные ссадины – прислушиваясь к разговорам родителей, я понимала, где у меня должно болеть, ведь сейчас под капельницами не ощущалось ничего. Ах, да, ещё сломано несколько ребёр – вот что мешает мне нормально дышать.

Мама и папа бегали вокруг меня как ненормальные, они готовы были подзывать врача по одному моему стону, вы-

тирали губы влажной салфеткой, следили за температурой, сердцебиением, и, кажется, постарели за эти три дня на несколько горьких лет. Глядя на них, я возненавидела себя – как можно было причинить им столько боли.

– Простите, – сдавлено прошептала я.

– Тише, миленькая, – отозвалась на мой голос медсестра.

Оказалось, родителей уже давно не было в палате, а я под влиянием обезболивающих препаратов стала похожа на сломанный аппарат, который воспроизводил музыку намного позже, чем нажимаешь на кнопку «Play». У медсестры были мягкие, морщинистые руки, усыпанные желтыми пятнышками старости.

– Ты спасла человеку жизнь, – она провела ладонью по моим волосам, – а значит, сама обретёшь новую.

Ранее не чувствуя ничего, я вдруг ощутила солёный вкус слез на своих губах. Если не нравится старая жизнь, можно просто начать новую – как я раньше об этом не подумала. Тогда бы не было меня на том перекрестке. Но и той девочки, скорее всего тоже. Броситься под колеса автомобиля может либо храбрец, либо безумец: первый спасает другому жизнь, второй просто не думает о своей.

Утром я ждала родителей, но ко мне в палату пришли две феи. Да-да, именно так, я не сошла с ума, хотя всё ещё находилась в одурманенном состоянии. Одна из них, точь-в-точь принцесса Жасмин из диснеевского «Аладдина», была мамой Артура и Златы (как красиво называли его сестрёнку),

вторая, похожая на Белоснежку, женой водителя «Шкоды». За время, проведенное в коридоре больницы, они подружались, и вместе переживали за меня. Конечно, никто из их родственников не был виновен в случившемся, а настоящего нарушителя накажет суд.

– Артур очень хотел прийти, но не смог, он просит у тебя прощения, – начала говорить первая.

– Конечно, будь Лёша не таким впечатлительным, он бы тоже пришел, но так раздавлен, он ведь будто сделал это всё своими руками, – добавила вторая.

Когда они, изредка перебивая друг друга, рассказали о чувствах своих близких, выразили восхищение моим поступком и несколько раз повторили слова благодарности, я убедила их, что не держу ни на кого обид. Потом пришлось принять от них подарки в виде сладостей, фруктов и цветов, взять их номера телефонов, и снова подтвердить, что всё вышло так, как должно было случиться, никто не виновен.

Думаю, раньше бы я обозвала самыми плохими словами людей, чьи поступки могли привести меня под колеса машины, но сейчас я была спокойна и рассудительна – зачем так страдать, если никто не умер. Ведь это уж точно самое страшное, что могло произойти на том перекрёстке.

Казалось, посещения на сегодня окончены, но после обеда пришла журналистка местного телевидения, которую родители не пускали в мою палату. Она, проявив чудеса тактичности, попросила назначить ей время, когда она сможет

прийти ко мне с оператором, а пока просила сказать лишь несколько слов для заметки в газету, которую курировал их канал. Я согласилась. Может, мой поступок побудит кого-то не остаться равнодушным и спасёт чью-то жизнь. Об истинных мотивах я попыталась забыть.

– Если не хочешь с ней общаться, скажи, – мама накрывала мне ужин на стол.

– Я ведь велел им уматывать отсюда! – злился папа, глядя в окно. Там, конечно, уже никого не было – журналистка скрылась тем же ходом, что и пришла сюда.

– Всё в порядке, мне не сложно, спасибо вам за заботу, – я взяла маму за руку, и, взглянув папе в глаза, добавила, – простите, что так вышло.

Этими словами я, конечно, их растрогала, мы немного посидели, обнявшись, а потом принялись обдумывать, как привести меня в ухоженный вид.

Через пару дней появилась газета с коротеньким интервью, как мы и договаривались, прикрепили моё фото из социальной сети, на котором я выглядела самым лучшим образом: счастливая девушка с уверенным взглядом и лучезарной улыбкой. «А внутри смута», – первое, что я подумала, глядя на ту себя.

– Что скажешь? – кажется, папа скупил все экземпляры в киоске.

– Думаю, им следовало сделать пометку «Не повторять. Опасно для жизни».

– Всё позади, – он улыбнулся и достал из сумки ноутбук, который я упросила принести мне.

Кстати, я была удивлена, насколько хорошие палаты есть в нашей больнице: с телевизором, собственной ванной комнатой, холодильником и уголком для посетителей с мягким диваном. Как оказалось, эти комфортные условия – заслуга тех фей, что не жалели денег на моё выздоровление. Несмотря на эти удобства, мне хотелось домой, но об этом не было и речи – за мной постоянно следила медсестра, а доктор приходил два раза в день.

В день, когда мама помогла мне принять ванну и отмыть волосы, я чувствовала себя ужасно счастливой. Родители ушли домой, а я собиралась звонить подруге – с тех пор, как я очнулась, мы каждый день болтали перед сном. Но в этот поздний час ко мне пришёл ещё один посетитель – тот, кто до сих пор не осмелился прийти. И это был вовсе не Артур. Сначала я увидела на пороге своей палаты лучшего актера моего любимого театра, а потом догадалась, что это и был водитель той самой «Шкоды». Алексей Борисович Титов, исполнитель многих арий в рок-операх, неизменный граф Резанов в «Юнона и Авось», я ходила на его спектакли каждый месяц, восхищалась талантом, да что там – с ума сходила от его голоса, и вот он оказался за рулем автомобиля, в том месте, в тот час.

– Добрый вечер, – он улыбнулся, хотя вид у него был сильно уставший. Знаменитый артист с букетом роз в моей пала-

те – это какое-то безумие.

Он попытался представиться, но я перебила его, сказав, что знаю его по ролям в театре. От этого он стал ещё грустнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.